

П.Ф. Каптерев

Дидактические очерки
Теория образования

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 37
ББК 74
П11

П11 **П.Ф. Каптерев**
Дидактические очерки: Теория образования / П.Ф. Каптерев – М.: Книга по Требованию, 2024. – 442 с.

ISBN 978-5-458-53794-0

ISBN 978-5-458-53794-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Оглавленіе содержанія.

Ч А С Т Ь I.

Историческій очеркъ дидактики.

Главы:	СТРАН.
I. Вольфгангъ Ратихій	5
II. Амосъ Коменскій	12
III. Генрихъ Песталоцци	26
IV. Іоаннъ Гербартъ	39
V. Адольфъ Дистервегъ	52
VI. Экспериментальная дидактика.— Общій выводъ	63

Ч А С Т Ь II.

Образовательный процессъ его психологія.

VII. Образовательный процессъ съ общепсихологической точки зрѣнія.	80
VIII. Образовательный процессъ, какъ выраженіе внутренней самодѣятельности человѣческаго организма	92
IX. Образовательный процессъ, какъ развитіе способностей	101
X. Объ отношеніи формальной и матеріальной сторонъ образованія и о разносторонности образовательнаго процесса	112
XI. Нравственно-эстетическій элементъ въ образовательномъ процессѣ.	123
XII. Общественная сторона образовательнаго процесса	144
XIII. Главнѣйшія измѣненія образовательнаго процесса примѣнительно къ основнымъ физикопсихическимъ свойствамъ человѣческой природы.—Общій выводъ	176

Ч А С Т Ь III.

Составъ общеобразовательнаго курса.

XIV. Начало пользы при выборѣ предметовъ общеобразовательнаго курса	188
XV. Логическая точка зрѣнія на составъ общеобразовательнаго курса—распредѣленіе учебныхъ предметовъ на историческіе и раціональные, классическіе и реальные	199
XVI. Составъ общеобразовательнаго курса и педагогическая оцѣнка отдѣльных предметовъ, въ него входящихъ	212

Ч А С Т Ь IV.

О педагогическомъ методѣ.

	СТРАН.
XVII. Общая характеристика педагогическаго метода	234
XVIII. О согласованіи школьнаго обученія съ общимъ характеромъ мышленія образуемыхъ	246
XIX. Историческій очеркъ ученія о дѣтскихъ интересахъ, его теорія и практика	258
XX. Исторія нагляднаго обученія	280
XXI. Теорія нагляднаго обученія	296
XXII. Примѣненіе школьнаго обученія къ нѣкоторымъ частнымъ направленіямъ мышленія образуемыхъ	308
XXIII. Связность и объединенность учебнаго курса	320
XXIV. О формахъ педагогическаго метода	341
XXV. Хорошій урокъ	359

Ч А С Т Ь V.

О свойствахъ учителя.

XXVI. Умственные качества учителя	369
XXVII. Нравственно-волевые свойства учителя	377
XXVIII. Учитель, какъ устроитель школьной дисциплины	387
XXIX. О подготовкѣ школьныхъ учителей	400

Ч А С Т Ь VI.

Обстановка обученія.

XXX. Устройство школьнаго зданія. — Школьные порядки. — Система школъ	410
---	-----

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Первое изданіе этого сочиненія было сдѣлано давно — въ 1885 году и удостоено Петроградскимъ комитетомъ грамотности золотой медали. Оно давно и разошлось, но, по разнымъ причинамъ, авторъ не могъ заняться его пересмотромъ и переизданіемъ. Въ настоящемъ своемъ видѣ оно является переработаннымъ и значительно расширеннымъ.

П. Кантеревъ.

Историческій очеркъ развитія дидактики.

Частное является ранѣе общаго, частныя сужденія—ранѣе общихъ. Чтобы произнести общее сужденіе, для этого предварительно нужно судить о многихъ отдѣльныхъ и частныхъ предметахъ и явленіяхъ, а потомъ эти частныя сужденія сжать въ одну формулу—общее сужденіе. Въ опытномъ порядкѣ развитія мыслительности общее не можетъ предшествовать частному, а можетъ только слѣдовать за нимъ, да и то на почтительномъ разстояніи.

На этомъ основаніи въ области педагогіи методика предшествовала дидактикѣ. Методика имѣетъ дѣло съ способами преподаванія отдѣльныхъ предметовъ, дидактика—съ основами и началами преподаванія вообще. Нельзя разсуждать объ основахъ и началахъ преподаванія вообще, когда не выяснены еще начала обученія чтенію, письму, счету, заучиванія прозы и стиховъ и т. п. Поэтому методика существовала уже давнымъ давно, а дидактики еще не было, еще не появлялся педагогъ, который сталъ бы выше вопросовъ объ обученіи латинской грамматикѣ, молитвамъ, церковнымъ пѣснопѣніямъ, риторикѣ, ариѳметикѣ, а спросилъ бы себя: каковы правильныя, истинно педагогическія начала всего обученія, всѣмъ школьнымъ предметамъ, начала, которыя педагогу, какъ преподавателю, нужно соблюдать всегда и всюду? Вѣдь есть нѣкоторыя начала преподаванія, общія многимъ, если не всѣмъ, предметамъ, изучаемымъ въ школахъ. Нельзя ли ихъ выдѣлить, выяснить и формулировать на помощь учителямъ въ ихъ профессиональной дѣятельности и на благо учащихся и школамъ? Съ постановкой такихъ вопросовъ возникла дидактика.

Дидактическіе вопросы объ общихъ началахъ преподаванія могли быть поставлены лишь при благопріятныхъ къ тому условіяхъ, которыя заключаются въ реформаціонныхъ педагогическихъ стремленіяхъ того или другого времени. Пока дѣло не идетъ о коренной ломкѣ школы, о перестройкѣ ея сверху до низу, ди-

дактика не явится, на нее нѣтъ спроса: въ школахъ тишь, да гладь, да Божья благодать, все идетъ благополучно, всѣ довольны существующими порядками и ихъ результатами, а потому и возбуждать новые и общіе вопросы нѣтъ нужды. Но когда начинается яростная критика школы и принятаго въ ней обученія, когда всѣ оказываются школьными порядками недовольны, тогда начинается исканіе новыхъ путей въ обученіи, тогда пересматриваются существующіе методы преподаванія, и вотъ въ такое-то тревожное, реформаціонное время зарождается дидактика, обѣщающая указать средства основательнаго, легкаго и скорого обученія, обѣщающая открыть искусство учить всѣхъ всему. Двѣ такія крупныя реформаторскія эпохи можно указать на зарѣ новой европейской исторіи, именно эпоху гуманизма и реформаціонныя педагогическія теченія XVII вѣка. Но первая эпоха, какъ педагогическое явленіе, была занята не столько вопросами методологіи, способами преподаванія, сколько самымъ матеріаломъ обученія, отыскиваніемъ, комментированіемъ и распространеніемъ классиковъ, освобожденіемъ человѣческой личности отъ гнета разныхъ авторитетовъ; вторая же эпоха прямо выдвинула на первый планъ методологическіе и дидактическіе вопросы, въ это-то время не только зарождается, но и опредѣленно формируется дидактика. Появляется рядъ дидактикъ и рядъ дидактовъ.

Амосъ Коменскій въ „Привѣтъ читателямъ“ „Великой Дидактики“ говоритъ, что дидактика значитъ „искусство учить“, что въ недавнее время нѣкоторые выдающіеся мужи, сжалившись надъ сизифовой работой школъ, приступили къ изысканію этого искусства, но попытка ихъ, равно какъ и успѣхъ ея, были неодинаковы. Нѣкоторые изъ нихъ искали только пріемовъ легчайшаго преподаванія того или другого языка; другіе пытались отыскать кратчайшіе пути къ скорѣйшему усвоенію той или другой науки или искусства; иные придумывали еще что-нибудь, но почти всѣ шли путемъ внѣшнихъ наблюденій, накопленныхъ при довольно повѣрхностной практикѣ, т. е., какъ говорится, шли путемъ а posteriori. Это „искусство учить и учиться“ въ той степени совершенства, на которую, повидимому, оно теперь стремится подняться, значительной своей частью не было извѣстно предшествовавшимъ вѣкамъ. Поэтому обученіе грамотѣ и вообще школьныя занятія соединялись съ такими трудами и тягостями и вносили столько колебаній и ошибокъ, что только одаренные особенно счастливыми способностями могли пробивать себѣ дорогу къ болѣе основательному знанію. Но вотъ, продолжаетъ Коменскій, съ недавнихъ поръ Богъ началъ какъ бы посылать зарю—предвѣстницу

зарождающагося новаго вѣка, выдвинувъ нѣсколько доблестныхъ мужей, которые, почувствовавъ отвращеніе къ путаницѣ, порождаемой употребительной въ школахъ методой, начали размышлять о болѣе легкомъ и краткомъ пути къ обученію языкамъ и наукамъ. Таковы Іоаннъ Валентинъ Андреэ, Ратихій, Любинъ, Гельвигъ, Риттеръ, Бодинъ, Глаумій, Фогель, Вольфштернъ и французъ Жанъ Сесиль Фрей. Коменскій былъ знакомъ съ трудами перечисленныхъ своихъ предшественниковъ и современниковъ, но не остался ими совершенно доволенъ, а потому рѣшился самъ, оставивъ въ сторонѣ чужія мысли, изобрѣтенія и наблюденія, разсмотрѣть дидактическое дѣло заново и изслѣдовать причины, методы и цѣли искусства обученія. Въ результатѣ онъ обѣщаетъ дать читателю Великую Дидактику, т. е. всеобщее искусство учить всѣхъ всему навѣрное, скоро, основательно, вести учащихся къ истинной наукѣ, чистымъ нравамъ и внутреннему благочестію, и показать все это а priori, изъ собственной неизмѣнной природы вещей, заставляя вытекать какъ бы изъ живого источника струящіеся ручейки. Собирая ихъ снова въ одну рѣку, мы такимъ образомъ, говорилъ Коменскій, устанавливаемъ нѣкоторое всеобщее искусство созданія всеобщихъ школъ. Это есть, по выраженію Григорія Назіанзина, *τέχνη τεχνών*—искусство искусствъ, умѣнье образовывать человѣка, самое измѣнчивое и многообразное изъ всѣхъ живыхъ существъ.

Съ какимъ энтузіазмомъ, съ какими широкими видами и надеждами, съ какою любовью къ человѣчеству принимался Коменскій за составленіе своей „Великой Дидактики“, какое значеніе придавалось въ то время подобнымъ трудамъ, это уже достаточно видно изъ длиннаго заглавія „Великой Дидактики“, которое поэтому мы и считаемъ нелишнимъ привести здѣсь:

„Великая Дидактика,
содержащая всеобщее искусство всѣхъ учить всему,
или

вѣрный и превосходный способъ учрежденія во всѣхъ общинахъ, городахъ и селахъ любого христіанскаго государства такихъ школъ, въ которыхъ бы все юношество обоюго пола, безъ всякаго гдѣ бы то ни было исключенія, обучалось наукамъ, совершенствовалося въ нравахъ, исполнялось благочестія, и такимъ образомъ въ юношескіе годы могло научиться всему, что нужно для настоящей и будущей жизни,

сокращенно, пріятно, основательно,
гдѣ для всего, что предлагается,

основанія берутся изъ собственной природы вещей;
истинность доказывается параллельными примѣрами, взя-
тыми изъ области механическихъ искусствъ;
порядокъ распредѣляется по годамъ, мѣсяцамъ, днямъ, ча-
самъ; наконецъ
путь для успѣшнаго исполненія этихъ совѣтовъ указывается
легкій и вѣрный.

Альфой и омегой нашей дидактики да будетъ:
изысканіе и открытіе способа, при которомъ учащіе меньше бы
учили, учащіеся же больше бы учились; въ школахъ меньше
было бы шума, одуренія, безполезнаго труда, а больше досуга,
радостей и прочнаго успѣха; въ христіанскомъ государствѣ ме-
нѣе было бы мрака, смятенія, разлада, а больше свѣта, порядка,
мира и спокойствія.

Псал. 6.

Боже, будь милостивъ къ намъ и благослови насъ; освѣти
насъ лицемъ Своимъ, дабы познали на землѣ путь Твой, во
всѣхъ народахъ спасеніе Твое“.

Это необычайно длинное, широковѣщательное заглавіе „Ве-
ликой Дидактики“, рекламное съ нашей точки зрѣнія, но совер-
шенно искреннее у Коменскаго, могло быть написано только въ
вѣкъ дидактикъ—въ XVII вѣкѣ, когда такъ живо чувствовалась
потребность въ реформѣ школы и метода, когда отъ изобрѣте-
нія толковаго, хорошаго метода ждали чуть ли не благоденствія
всего рода человѣческаго. Современникъ Коменскаго, профессоръ
математики въ Гамбургѣ, Адольфъ Тассе писалъ въ сороковыхъ го-
дахъ XVII столѣтія, что во всѣхъ странахъ Европы съ энтузіаз-
момъ изучаютъ теперь искусство лучшаго обученія. Если бы даже
Коменскій и не сдѣлалъ ничего больше, какъ только посвѣялъ
это сѣмя всеобщаго воодушевленія, то и тогда онъ сдѣлалъ бы
достаточно.

Поэтому мы начнемъ исторію дидактики съ XVII вѣка, съ
Амоса Коменскаго, а изъ перечисленнаго Коменскимъ десятка
его предшественниковъ и современниковъ возьмемъ только одного
Ратихія, какъ наиболѣе знаменитаго между ними. Представляя
историческій очеркъ дидактики, мы остановимся лишь на самыхъ
крупныхъ моментахъ ея развитія, именно дадимъ характеристику
дидактическихъ взглядовъ слѣдующихъ дѣятелей: Ратихія, Ко-
менскаго, Песталоцци, Гербарта, Дистервега и нѣкоторыхъ
представителей современной экспериментальной дидактической
школы.

Глава I.

Вольфгангъ Ратихій.

(1571—1635 г.г.).

Существовавшіе въ XVI и XVII вѣкахъ методы преподаванія были тягостны для учащихся и сопровождались малыми успѣхами. О способахъ и результатахъ обученія главнѣйшему предмету того времени—латинскому языку—Амосъ Коменскій говоритъ¹⁾, что, Боже милостивый, какъ оно было запутано, какихъ усилій стоило, какъ было растянута! Послѣ 15, 20 лѣтъ ученія учащіеся все еще не могли обходиться безъ грамматикъ и лексиконовъ, едва могли сказать что-нибудь по-латыни, да и то не безъ запинки и замѣшательства. Отъ чего же другого можетъ происходить эта крайне печальная трата времени и трудовъ, какъ не отъ ошибочнаго метода? Какъ будто нарочно примѣнялся самый трудный и самый неразумный способъ, требовавшій неимоверныхъ трудовъ, возбуждавшій сильное отвращеніе и сопровождавшійся безконечными мученіями; какъ будто все это зло внесъ въ школы „какой-то злой и завистливый геній, врагъ рода человѣческаго“.

Другіе предметы были поставлены не лучше: по пяти, по десяти лѣтъ и болѣе держали умъ человѣческій на томъ, что можно усвоить въ теченіе одного года, свидѣтельствуетъ тотъ же Коменскій²⁾; вмѣсто того, чтобы питать умы учащихся настоящими зернами вещей, наполняли ихъ шелухой словъ, пустой болтовней, свойственной попугаямъ; обученіе сопровождалось такою суровостью, что школы вообще считались пугалами для мальчиковъ и мѣстами пытокъ для дарованій. Лучшая часть учениковъ, получивъ отвращеніе и къ наукамъ, и къ книгамъ, прежде времени спѣшила въ мастерскія ремесленниковъ, или избирала какой-либо другой родъ жизни, а изъ оставшихся выходили. вмѣсто кроткихъ агнцевъ, большею частью дикіе ослы, неукротимые и упрямые мулы.

¹⁾ Великая Дидактика, гл. XI, 11, 12.

²⁾ Тамъ же, гл. XI, 7—10.

Отсюда понятно, съ какою горячностью дидакты-реформаторы стремились открыть новыя начала обученія, чтобы сдѣлать его болѣе естественнымъ, легкимъ и плодотворнымъ для учащагося юношества.

Дидактика Ратихія стремится болѣе всего къ установленію естественнаго метода обученія, хотя естественность и понимается въ ней своеобразно. „Все согласно естественному порядку и теченію“, нужно въ обученіи *naturam sequi* (слѣдовать природѣ). Природѣ свойствененъ особый порядокъ, которому должно отвѣчать и искусство обученія; противоестественное и насильственное обученіе вредно, ослабляетъ природную силу способностей.

Развивая это основное положеніе естественности обученія, Ратихій требуетъ, чтобы „сначала изучался предметъ самъ по себѣ, а потомъ уже относящіяся къ нему правила“. Правила безъ предмета, къ которому они относятся, только сбиваютъ и смущаютъ разумъ. Поэтому весьма нелѣпо держаться такого пріема, чтобы сначала заучивалась грамматика, и только затѣмъ изучался бы языкъ. Сначала авторы и языкъ, а потомъ уже грамматика, и вообще безсмысленно заниматься прежде признаками какого-либо предмета, чѣмъ самымъ предметомъ.

„Все пусть изучается посредствомъ индукціи и эксперимента (*per inductionem et experimentum omnia*)“. Ни одно правило, никакую учебную систему нельзя допускать, нельзя признавать правильными, прежде чѣмъ они не будутъ изслѣдованы и признаны на опытѣ вѣрными. Въ подобныхъ дѣлахъ необходимы точность и очевидная увѣренность, что не ошибаешься, никакіе авторитеты, никакія свидѣтельства ученыхъ не могутъ замѣнить провѣрки опытомъ.

„Все сначала на отечественномъ языкѣ“. Только изучивъ отечественный языкъ, можно переходить къ изученію другихъ языковъ. Изучая предметы на отечественномъ языкѣ, ученикъ обращаетъ на изучаемый предметъ полное свое вниманіе, не отдѣляя его нисколько на пониманіе языка, ему близко знакомаго, что составляетъ весьма значительное преимущество пользованія роднымъ языкомъ при обученіи: при такомъ обученіи можно достигнуть болѣе высокаго развитія и разумѣнія, чѣмъ при обычномъ—на латинскомъ,—а это, въ свою очередь, содѣйствуетъ подъему культуры народа.

„Все безъ принужденія“. Не годится наказывать ударами за незнаніе, побоями и принужденіемъ только отбиваютъ охоту къ ученію и вселяютъ ненависть къ наукѣ и учебнымъ занятіямъ. Вина въ недостаточныхъ успѣхахъ учениковъ лежитъ на учителѣ,